

Евсевій никомидійскій и Лукіанъ.

(Къ вопросу о происхожденіи арианства).

Для вопроса о происхожденіи арианства имѣеть первостепенную важность вопросъ объ отношеніи Арія къ его учителю—антіохійскому пресвитеру и мученику Лукіану, основателю столь знаменитой впослѣдствіи антіохійской школы.

Что и самъ Арій и его виднѣйшіе покровители, какъ Евсевій никомидійскій, Феогній никейскій, Марій халкидонскій, Минофантъ ефесскій, были дѣйствительно учениками св. Лукіана, это—фактъ, засвидѣтельствованный одинаково твердо, какъ самими арианами, такъ и ихъ противниками. Самъ Арій въ письмѣ къ Евсевию никомидійскому, называетъ его своимъ „солукіанистомъ“¹⁾; а Филосторгій перечисляетъ по именамъ и другихъ учениковъ Лукіана²⁾.

Съ другой стороны самъ Александръ александрійскій въ письмѣ къ одноименному съ нимъ епископу бессалоницкому, представлявшемъ повидимому только болѣе полный экземпляръ его *τόμος*'а, разосланнаго раньше ко всѣмъ епископамъ, состоявшимъ, какъ и самъ епископъ александрійскій, подъ владычествомъ Лиکنія, прямо называетъ Лукіана учителемъ Арія и вмѣстѣ съ тѣмъ ученикомъ („преемникомъ“ видимо по управленію богословской школы) Павла самосатскаго, и сообщаетъ, что Лукіанъ оставался (послѣ низложенія Павла) долгое время въ общенія съ тремя (антіохійскими) епископами (Домномъ, Тимеемъ и Кирилломъ)³⁾.

¹⁾ Theodoret. h. e. I, 5. *Vales: αλληλοκατα ἄληθῶς Εὐσεβία.*

²⁾ Philostorg. h. e. II, 3, 14, III, 15.

³⁾ Theodoret. h. e. I, 4 Val. p. 15 B: *αὐτοὶ γὰρ θραδύονται ἐπὶ, ὅτι ἀγνοοῦντες, ὅτι ἡ ἑκκλησία ἐκαστάσιν τῇ ἐκκλησιαστικῇ ἐπιθεβία διδασκαλία, ἡ βίωσις*

Точно также и св. Епифаній ¹⁾ называетъ Лукіана учителемъ аріанъ, самихъ ихъ „лукіанистами“, и въ частности приписываетъ Лукіану извѣстное аріанское ученіе, что Сынъ Божій при воплощеніи принялъ одно только человѣческое тѣло, мѣсто же души занимала сама его „божественная“ природа.

Но всѣ эти историческія свидѣтельства, ставящія внѣ сомнѣнія зависимость аріанской догматической системы отъ ученія Лукіана, не даютъ однако никакого основанія судить о томъ, какъ далеко простиралась эта зависимость, какіе изъ аріанскихъ положеній принадлежатъ Лукіану, и какія представляютъ *выводъ* изъ ученія Лукіана, сдѣланный самимъ Аріемъ.

Тѣмъ не менѣе А. Гарнакъ находитъ, что и приведенныхъ скудныхъ данныхъ совершенно достаточно для того, чтобы съ полною увѣренностью считать Лукіана „Аріемъ до Арія“ и отнести на его счетъ рѣшительно всѣ особенности аріанской системы, такъ что на счетъ самого Арія не остается ничего. Пользуясь тѣмъ сообщеніемъ св. Александра, что Лукіанъ былъ ученикъ Павла самосатскаго (и самъ Лукіанъ едвали не былъ родомъ изъ Самосаты же) Гарнакъ чрезвычайно остроумнымъ образомъ объясняетъ самое происхожденіе лукіанизма—аріанства, какъ своеобразную комбинацію ученія Павла самосатскаго съ ученіемъ Оригена. У Павла самосатскаго Лукіанъ замѣтвовалъ его ученіе о Богѣ Отцѣ—какъ Существо безусловно единомъ живомъ личномъ Духѣ, въ Себѣ имѣющемъ Слово, но слово неисточасное, и ученіе о Сынѣ Божіемъ, какъ Существо свободномъ, по природѣ подверженномъ измѣненію, но пребывающемъ благимъ по

ἔστι καὶ Ἀρειμᾶ. καὶ ζῆλος τοῦ κατὰ Ἀντιοχείαν Παύλου τοῦ Σαμοσατέως, συνέθετο καὶ κρίσει τῶν ἀπανταχοῦ ἐπισκόπων ἀποκηρυχθέντος τῆς ἐκκλησίας ὡς διαβεβῆμενος Δουκιανὸς, ἀποσυνάγωγος ἔμεινε τριῶν ἐπισκόπων πολυετείς χρόνους: ὡν τῆς ἐσβεθείας τὴν τρυφὰ ἰσσορηκότιες, νῦν ἡμῖν οἱ ἐξ οὐκ ὄντων ἐπεφάνησαν, τὰ ἐκείνων κεραιόμενα μοιχεύματα, Ἄρειος τε καὶ Ἀχιλλῆος, καὶ ἡ τῶν σὺν αὐτοῖς πονηρομένων ἀπόδος.—Объ адресатѣ посланія *Ἡ φίλαρχος*, въ которомъ содержится приводимыя строки, см. В. В. Болотовъ, *Theodoretiana*—Хр. Чт. 1892, II, 121. 148—154.—Отрывокъ изъ *τομος* см. у E. Schwartz, *Zur Geschichte des Athanasius* въ *Nachrichten v. d. Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen Phil hist kl.* 1905. H. 3. SS. 265—7.

¹⁾ Epiph. haer. 69.5

своей волѣ; у Оригена же—ученіе о Сынѣ Божіемъ, какъ второмъ Богѣ, существѣ весьма совершенномъ, однако ни въ чемъ несравнимомъ съ Отцемъ, какъ его твореніи. Комбинируя это ученіе съ павловымъ (аристотелевскимъ) ученіемъ о Богѣ, какъ существѣ самодовлѣющемъ, Лукіанъ не имѣлъ возможности отождествить Сына Божія съ сущимъ въ самомъ Богѣ Словомъ и вынужденъ былъ признать его твореніемъ въ строгомъ смыслѣ слова, происшедшимъ во времени и изъ ничего. При воплощеніи Сынъ Божій принималъ одно тѣло; а слѣдовательно всѣ аффекты и душевная борьба во Христѣ, о которыхъ говорится въ евангеліи, принадлежатъ самому Логосу. Какъ существо тварное, Сынъ Божій подлежалъ измѣненію и въ нравственномъ смыслѣ. Но Богъ, предвидя, что онъ устоитъ въ добрѣ, при самомъ сотвореніи его далъ ему всю ту славу, какую онъ заслуживалъ за свой нравственный подвигъ ¹⁾).

Это ученіе есть чистое арианство, тѣмъ не менѣе, думаетъ Гарнакъ—вотъ эта та комбинація системы Павла самосатскаго съ оригеновскимъ и церковнымъ ученіемъ о *Λόγος χριστός* и была для Лукіана тѣмъ мостомъ, чрезъ который онъ соединился съ церковію.

Эта попытка поставить арианство въ генетическую связь съ ученіемъ Павла самосатскаго, особенно интересна въ томъ отношеніи, что она прекрасно уясняетъ одну не совсѣмъ ясную подробность системы Арія: его ученіе о Сынѣ Божіемъ, какъ существѣ измѣняемомъ въ нравственномъ смыслѣ,—подробность непонятную тѣмъ болѣе, что здѣсь Арій былъ даже не совсѣмъ послѣдователемъ и, излагая со всею ясностью это ученіе объ измѣняемости Сына Божія ²⁾ въ своей

¹⁾ *A. Harnack, Lehrbuch der Dogmengeschichte* B. II. 3 Auflage Freiburg im B. und Leipzig 1894. SS. 182—186 [=2 Aufl. SS. 187—188]=4 Aufl (Teubingen 1909) SS. 186—190; особенно II² 187: In der lucianischen Doctrin ist der Adoptianismus mit der Logos—*χριστός*—Lehre verknüpft, und diese Lehrform ist mit den Mitteln der aristotelischen Philosophie durchgeführt und kritisch-exegetisch aus den Bibel begründet.

²⁾ *Athan. or. contr. ar.* I, 9 (назъ *Θάλασσα*) οὐκ ἔστιν ἀτρέπτος ὡς ὁ Πατήρ, ἀλλὰ τροπικῶς ἕστιν ἡρώσει ὡς τὰ χρισμάτα. I, 5 (повидному, не въ *θάλασσα*, [какъ] принимаю я въ Христ. Читаніи 1911, июль-августъ стр. 857 и *R. Seeberg* *DG.* II² (1910) S. 22] а ἐν τοῖς ἑτέροις αὐτῶν συγγραμμάται). [Это однако не совершенно безспорно, I, 5 у Аванасія в. начинается навлеченіями изъ

Θάλεια, въ своихъ письмахъ не только къ Александру александрийскому, но и къ самому Евсевію никоμιдійскому на-

Θάλεια. И прежде всего приводится самое ея начало: *Ἡ—ἀρχὴ τῆς Ἀρειανῆς θαλείας καὶ κουφολογίας*. Далѣе прнводится изъ нея цѣлый рядъ „полныхъ нечестія“ выраженій, въ рождъ: οὐκ αἰεὶ ὁ θεὸς πατήρ ἦν—οὐκ αἰεὶ ἦν ὁ υἱὸς πάντων γὰρ γενομένων ἐξ οὐκ ὄντων—καὶ αὐτὸς ὁ τοῦ θεοῦ λόγος ἐξ οὐκ ὄντων γέγονε καὶ ἦν ποτε ὅτε οὐκ ἦν—этого рядъ бесспорныхъ извлеченій изъ *Θάλεια* заканчивается у Аванасія изложеніемъ ученія Арія о двухъ премудростяхъ и двухъ Логосахъ въ Богѣ: δύο γοῦν σοφίας φησὶν εἶναι, μίαν μὲν τὴν ἰδίαν καὶ συνπαρχούσαν τῷ θεῷ, τὸν δὲ υἱὸν ἐν ταύτῃ τῇ σοφίᾳ γεγενῆσθαι καὶ ταύτης μετέχοντα ὠνόμασθαι μόνον σοφίαν καὶ λόγον. ἡ σοφία γάρ, φησί, τῇ σοφίᾳ ἐπήρξε σοφοῦ θεοῦ θελήσει. οὕτω καὶ λόγον ἕτερον εἶναι λέγει παρὰ τὸν υἱὸν ἐν τῷ θεῷ, καὶ τούτων μετέχοντα τὸν υἱὸν ὠνομάσθαι πάλιν κατὰ χάριν λόγον καὶ υἱὸν αὐτόν. Далѣе Аванасій в. пишетъ: ἔστι δὲ καὶ τούτο τῆς αἰρέσεως αὐτῶν ἴδιον φρόνημα, δηλούμενον ἐν ἑτέροις αὐτῶν συγγραμμάσιν, ὅτι πολλὰ δυνάμεις εἰσιν καὶ ἡ μὲν μία τοῦ θεοῦ ἔστιν ἰδία φύσις καὶ αἰδιος, ὁ δὲ Χριστὸς πάλιν οὐκ ἔστιν ἀληθινὴ δύναμις τοῦ θεοῦ, ἀλλὰ μία τῶν λεγομένων δυνάμεων ἔστι καὶ αὐτός, ὡν μία καὶ ἡ ἀκρίς καὶ ἡ κάμπη οὐ δύναμις μόνον ἀλλὰ καὶ μεγάλη προσαγορεύεται (Ионль, 2, 25) αἱ δ' ἄλλαι πολλὰ καὶ ὅμοιαι εἰσι τῷ υἱῷ, περὶ ὧν καὶ Δαβὶδ ψάλλει λέγων κύριος τῶν δυνάμεων (Псал. 23,10) Далѣе слѣдуетъ интересующая насъ тирада объ измѣняемости Сына каὶ τῇ μὲν φύσει... ὡν φύσεως. Далѣе Аванасій продолжаетъ: διὰ τοῦτο γάρ, φησί [слѣд. самъ Арія, если это фησί точно], καὶ προσηνώσκων ὁ θεὸς πεποιήκε. Совершенно очевидно, что эта послѣдняя тирада (διὰ τοῦτο—πεποιήκε) представляетъ собою продолженіе непосредственно предшествующей (διὰ τοῦτο относится къ μὲν καλος), и слѣд. если она, судя по фησί, принадлежитъ самому Арію, то ему же принадлежитъ и предшествующая. А слѣд. вполне возможно, что выдержки изъ „другихъ сочиненій“ арианъ—(αὐτῶν, не αὐτων) заканчиваются словами κύριος τῶν δυνάμεων, а со словъ каὶ τῇ μὲν φύσει начинаются слова выдержки изъ *Θάλεια*. Цитруется *Θάλεια* снова у Аванасія в. уже въ п. 6 и не въ самомъ началѣ, но такимъ образомъ, что не включается возможность того, что и предшествующее заимствовано тоже изъ *Θάλεια*. I, 6 въ началѣ: Εἰπεῖν δὲ πάλιν ἐτόλμησεν [слѣд. самъ Арія], ὅτι οὐδὲ θεὸς ἀληθινός ἐστιν ὁ λόγος—τῶν δὲ γενητῶν καὶ κτισμάτων ἴδιος καὶ εἰς αὐτῶν τιγχανεи. μετὰ δὲ τούτων ὡσπερ καὶ διάδοχος τῆς προπετείας τοῦ διαβόλου γενόμενος ἔθηκεν ἐν τῇ *Θάλειᾳ*, ὡς ἄρα καὶ τῷ υἱῷ πατὴρ ἀόρατος ἐπάρχει А самый конецъ п. 6 и начало п. 7 говорить повидному за то, что все предшествующее, за исключеніемъ только небольшого отрывка изъ какого-то другого сочиненія заимствовано изъ *Θάλεια* Арія. п. 6. τούτοις γάρ ἐφθέγγετο τοῖς ῥήμασιν ὁ ἀσεβῆς—ταῦτα μέρη τῶν ἐν τῷ γελοῖῳ συγγραμμάτι κειμένων μυθιδίων ἐστὶν Ἀρειόν [изъ п. 4 видно, что γελοῖον σύγγραμμα есть именно *Θάλεια*] п. 7. Τίς τούτων τῶν τοιούτων καὶ τοῦ μέλουз τῆς *Θάλειας* οὐ μισήσειεν ἐν δίεμ παίζοντα τὸν Ἀρειον ὡς ἐπὶ σκηνῆς περὶ τοιούτων,—Отсюда видно, что существенное содержаніе пп. 5—6 у Аванасія в. составляютъ извлеченія изъ *Θάλεια*; а отрывокъ изъ какихъ то другихъ сочиненій арианъ относи-

оборотъ прямо говорили, что Богъ Отецъ создалъ Сына неизмѣняемымъ и непреложнымъ.

Такимъ образомъ, какъ въ особенноти это ясно изъ сообщеній св. Александра въ *Ἡ φίλαρχος*, ариане въ проведеніи

тельно „многихъ силъ“ въ Богѣ выведенъ на справку лишь по аналогіи съ ученіемъ Арія о двоякой премудрости и двоякомъ словѣ въ Богѣ. Тирада объ измѣняемости Сына такой аналогіи не содержитъ; но по своему содержанию примыкаетъ къ этой ближайшей предшествующей выдержкѣ изъ *Θάλασσα* [Сынъ Божій по участию въ собственномъ Словѣ Бога Отца названъ по благодати Словомъ и Сыномъ. И по природѣ какъ всѣ, такъ и само Слово измѣняемо, но по собственной волѣ, пока захочетъ, остается благимъ, а когда захочетъ, можетъ и измѣниться, какъ и мы, будучи измѣняемъ по природѣ] и не стоитъ ни въ какой связи съ тирадою относительно „силъ“, которая заканчивается выраженіемъ псаломъшвца: „Господь силъ“—Во всякомъ случаѣ въ Хр. Чт. 1911, 857 я не сдѣлалъ ошибки, сославшись на с. аг. I, 5 въ доказательство доникейскаго происхожденія антиохійскаго анаеоматизма. Если даже данное мѣсто I, 5, заимствована и не изъ *Θάλασσα*, то уже самый его характеръ, а также приводимыя далѣе параллельныя мѣста изъ посланій св. Александра, доказываютъ, что оно заимствовано изъ доникейскихъ сочиненій арианъ. Зависимость же антиохійскаго анаеоматизма отъ *Θάλασσα* во всякомъ случаѣ ясна и изъ с. аг. I, 9.] *καὶ τῇ μὲν φύσει ὡσπερ πάντες οὗτοι καὶ αὐτός ὁ λόγος ἐστὶ τρεπτός. τῷ δὲ ἰδίῳ ἀτεξουσῶ, ἕως βούλεται μὲναι καλός, ὅτε μὲντοι θέλει δύναται τρέπεσθαι καὶ αὐτός ὡσπερ καὶ ἡμεῖς τρεπτῆς ὢν φύσεως. διὰ τοῦτο γάρ, φησι, καὶ προγενέσκον ὁ θεὸς ἕσσεσθαι καλὸν αὐτόν. προλαβὼν αὐτῷ ταύτην τὴν ὁδὸν δέδωκεν, ἣν ἀνθρώπος καὶ ἐκ τῆς ἀρετῆς ἔσχη μετὰ ταῦτα, ὥστε ἐξ ἔργων αὐτοῦ, ὢν προέγνω ὁ θεός, τοιοῦτον αὐτὸν νῦν γεγονέναι πεποιήκει. Alex. Alex. ap. Socr. I 6 (Ἐνδὸς σώματος). Αὐτὸ καὶ τρεπτός ἐστὶ καὶ ἀλλοιωτός τὴν φύσιν, ὡς καὶ πάντα τα λογικά --- Ἡρώτησε γοῦν τις αὐτούς, εἰ δύναται ὁ τοῦ Θεοῦ λόγος τρεπῆναι ὡς ὁ διάβολος ἐτρέπη. καὶ οὐκ ἔφοβήθησαν εἰπεῖν, νὰ δύναται. τρεπτῆς γὰρ φύσεως ἐστὶ, γεννητός καὶ τρεπτός ἐπάρχων.--Alex. ad Alex [Thessal ap Theodoret I, 4. Val. *Ἡ φίλαρχος*] p. 10 D. καὶ φασὶν αὐτὸν τρεπτῆς εἶναι φύσεως, ἀρετῆς τε καὶ κακίας ἐπιδεκτικὸν --- δυνάμεθα γοῦν καὶ ἡμεῖς, φασὶν οἱ ἀλέστορες (11) υἱοὶ γενεσθαι θεοῦ, ὡσπερ κακεῖνος. γέγραπται γάρ, υἱούς ἐγέννησε καὶ ἔψωσα. ἐπιφερομένον δὲ αὐτοῖς τοῦ λέγοντος ἐξῆς του ῥητοῦ, αὐτοὶ δὲ μὲ ἠθέτησαν. ὅπερ οὐ φυσικόν ἐστιν, τῷ σωτήρι, ὅτι τῆς φύσεως ἀτρέπτου, πάσης εὐλαβείας ἐαυτούς ἐσημάσαντες, τοῦτο φασὶ. προγενέσει καὶ προθεωρία περὶ αὐτοῦ εἶδόντα τὸν θεὸν ὅτι οὐκ ἀθετήσει, ἐξελέχθαι αὐτοῦ ἀπὸ πάντων, οὐ γὰρ φύσει καὶ κατ' ἐξαιρετικὸν τῶν ἄλλων ἔχοντά τι --- ἄλλα καὶ αὐτὸν τρεπτῆς τυγχάνοντι φύσεως, διὰ τὸ ῥῶπον ἐπιμελείαν καὶ ἄσκησιν μὴ τρεπόμενον ἐπὶ τὸ χεῖρον, ἐξελέξατο. ὡς εἰ καὶ Παῦλος; τοῦτο βιάσασαι καὶ Πέτρος, μηδὲν διαφέρειν τοῦτον τὴν ἐκείνην υἰότητα; εἰς παράστασαν δὲ τῆς φρενοβλαβοῦς ταύτης διδασκαλίης, καὶ ταῖς γραφαῖς ἐμπαρονοῦντες, καὶ παρατιθέμενοι τὸ ἐν ψαλμοῖς περὶ Χριστοῦ ῥητὸν, οὕτως ἔχον. ἠγάπησας δικαιοσύνην, καὶ ἐμίσησας ἀδικίαν. διὰ τοῦτο ἔχρισά σε ὁ θεός σου ἑλαῖον ἀγαλλίσσεως περὶ τοὺς μετόχους σου.*

этого воззрѣнія о неизмѣняемости Сына заходили гораздо дальше, чѣмъ допускало ихъ основное воззрѣніе на Сына, какъ первое и совершеннѣйшее твореніе Бога Отца, какъ на посредника между Богомъ и міромъ, чрезъ котораго Богъ создалъ и Св. Духа и весь міръ, доходили до сравненія его съ простыми людьми. Эта „аріанская теорія“—по справедливому сужденію В. В. Болотова (Уч. Оригена о св. Троицѣ стр. 408—409)—„представляетъ въ странномъ свѣтѣ все существованіе Сына Божія до Его воплощенія. Онъ избранныѣйшее изъ твореній, единый происшедшій непосредственно изъ единаго, Слово и Премудрость, хотя и въ собственномъ смыслѣ, посредникъ въ твореніи міра; но ни одно изъ этихъ преимуществъ не принадлежитъ ему въ полномъ смыслѣ; по Своему существу Онъ не имѣетъ на нихъ положительнаго права, Своею свободною дѣятельностью Онъ еще не заслужилъ ихъ; превознесенный выше всѣхъ, Онъ не имѣлъ прочной опоры для Своего величія, и воплощеніе,—даже прежде чѣмъ появился грѣхъ,—уже необходимо прежде всего для самого же Сына“.—Напротивъ въ системѣ Павла Самосатскаго, для котораго Сынъ Божій, какъ личность, и не существовалъ до своего воплощенія, такое ученіе было вполнѣ понятно ¹⁾.

¹⁾ Epist. Arii ad. Alex. ap. Ath. de sin. c. 16 (*Ἡ πίστις ἡμῶν*) *Θεὸν γενήσαντα υἱὸν μονογενῆ πρὸ χρόνων καὶ αἰώνων, δι' οὗ καὶ τοὺς αἰῶνας καὶ τὰ πάντα ὅλα πεποιήκει γενήσαντα δε οὐ δοκῆσει ἀλλὰ ἀληθεῖς ἐποστήσαντα ἰδίῳ θελήματι ἄτρειπτον καὶ ἀναλλοίωτον, πῖσμα τοῦ Θεοῦ τέλειον. κ. τ. χ.* Изъ контекста ясно, что *ἰδίῳ θελήματι* относится къ волѣ Бога Отца, не къ волѣ Сына (*ἐποστήσαντα* какъ и двухкратное *γενήσαντα* относится къ *Θεοῦ*): Богъ Отецъ по Своей волѣ (а не по природѣ) создалъ Сына „неизмѣняемо и непреложно“. Ep. Aril. ap. Euseb. ad. Theodoret I, 5: *διδάσκομεν, ὅτι ὁ υἱὸς οὐκ ἔστι ἀγεννητός. οὐδὲ μέρος ἀγεννήτου κατ' οὐδένα τρόπον, οὐδὲ ἐξ ἐποκειμένου τινος, ἀλλ' ὅτι θελήματι καὶ βουλῇ ὑπέστη πρὸ χρόνων καὶ αἰώνων πλήρης θεός μονογενής, ἀναλλοίωτος.*—*θελήματι καὶ βούλῃ* противопоставляется здѣсь ученію о Сынѣ, какъ нерожденномъ, или части нерожденного, или происшедшемъ изъ какого нибудь матеріала и вообще рѣчь идетъ о происхожденіи Сына: слѣд. Аріій говорить „о волѣ и совѣтѣ“ Бога Отца, не Сына. Въ виду этого попытку примирить это ученіе Арія о неизмѣняемости Сына съ его же ученіемъ о неизмѣняемости Сына въ томъ смыслѣ, что Онъ остался неизмѣняемымъ фактически, потому что пребылъ въ добрѣ [(такъ, кажется, думаетъ Спасскій (стр. 175) видимо вслѣдъ за Гарнакомъ (II S. 200) Somit ist er vermöge seines Willens unveränderlich geworden. 201 S. v. Nach dem Brief des Eusebius an Paulin scheint es, als habe Eusebius die

Я думаю, что Гарнакъ въ данномъ случаѣ вполне правъ: другого, лучшаго объясненія этой странной особенности арианской доктрины кажется и представить невозможно, и въ добавокъ связь арианства съ учениемъ Павла самосатскаго засвидѣтельствована Александромъ александрийскимъ.

Но слѣдуетъ ли отсюда, что св. Лукіанъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ былъ „Аріемъ до Арія“ и ему именно принадлежать и такія положенія арианъ, „какъ ἦν ποτε οὐκ ἦν“ и „ἐξ οὐκ ὄντων“ которыя собственно и вызвали полемику со стороны св. Александра александрийскаго?

Прежде всего необходимо сдѣлать оговорку. Православная церковь считаетъ Лукіана пресвитера антиохійскаго, пострадавшаго при Галеріи (въ 311 г.), въ числѣ своихъ святыхъ (память 15-го октября, хотя пострадалъ онъ, кажется, 7 января): поэтому считать его родоначальникомъ арианства для насъ представляется неудобнымъ. Поэтому на православныхъ ученыхъ повидимому лежитъ долгъ защитить православіе Лукіана. Такъ понимаетъ свою задачу и проф. А. А. Спасскій. Но въ дѣйствительности, св. Лукіанъ не былъ еретикомъ-арианиномъ уже потому одному, что умеръ за 14 лѣтъ до 1-го вселенскаго собора, когда вселенская церковь осудила арианство, какъ ересь, умеръ не только въ мірѣ съ церковью, но и какъ мученикъ. Уже эта одна мученическая кончина искупала всѣ его возможные догматическія заблужденія. А потому нѣтъ надобности доказывать, что ученіе св. Лукіана о Сынѣ Божіимъ было совершенно согласно съ никейскимъ символомъ и съ арианствомъ не имѣло ничего общаго. Будетъ достаточно, если будетъ

Unveränderlichkeit des Sohnes eine wesenhafte gehalten; er meint aber wohl nur, sie sei zum Wesen geworden) и Гуткиномъ, (который въ письмѣ Арія къ Александру предлагалъ отнести *ὁὶὼ θηλήματι* къ *ἀτρέπτον καὶ ἀνἀλλόωωτον*—Gwatkin² 25,³) нельзя признать удачною. Правы В. В. Болотовъ, 406,3 и В. Н. Самуиловъ 30,14, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ учениемъ Арія въ его различныхъ стадіяхъ развитія.—Какъ указываетъ самъ Гарнакъ II³ 196 s. v. II⁴ 201 s. v. сами ариане въ послѣдствіи [не только въ послѣдствіи, какъ доказываютъ письма Арія] рассматриваютъ неизмѣняемость Сына, какъ даръ Отца (данный Ему при твореніи), ибо Филосторгій VIII, 3 приводит, какъ особенность ученія арианскаго (евноміанскаго) епископа Θεодосία, что онъ училъ *ὡς ὁ Χριστὸς τρεπίδω μεν τῆ γυφῶσι τῆ οὐκείῃ, ἐπιπέλει δὲ τῶν ἀρετῶν ἀνπερβλήτω εἰς τὸ ἀτρέπτον ἀνυφῶσῆραι*.

показано, что на Лукіанѣ не лежитъ отвѣтственности за всѣ крайности аріанской доктрины, возбудившей такой соблазнъ въ церкви и волновавшей ее болѣе полувѣка, что его ученіе было ближе къ православію, чѣмъ чистое аріанство.

Но взглядъ Гарнака не свободенъ отъ возраженій съ чисто исторической стороны. Если Лукіанъ былъ „Аріемъ до Арія“, то почему же его ученіе не вызвало никакихъ возраженій при его жизни, почему ученики его видимо безъ всякихъ возраженій занимаютъ виднѣйшія епископскія кathedры въ Малой Азій, и самъ Аріій дѣлается александрійскимъ пресвитеромъ и занимаетъ эту должность при трехъ александрійскихъ епископахъ? Что же побудило Александра вдругъ измѣнить свое отношеніе къ Арію, если не произошло никакой перемѣны если не въ его основныхъ воззрѣніяхъ, то по крайней мѣрѣ въ его богословскомъ языкѣ, въ терминологіи? И былъ ли самъ Аріій мыслителемъ и писателемъ настолько неоригинальнымъ, что не былъ въ состояніи рѣшительно ни въ одномъ пунктѣ пойти дальше своего учителя, сдѣлать новый выводъ изъ данныхъ имъ посылокъ, развить яснѣе тѣ или другія его положенія. Конечно, Лукіанъ жилъ въ такое время, когда христіанамъ было не до богословскихъ споровъ, но именно поэтому отъ него и трудно ожидать, чтобы онъ именно былъ творцомъ такой оригинальной и стройной въ цѣломъ системы, какъ система Арія, во всѣхъ ея подробностяхъ, такъ что на долю Арія не оставалось уже ничего. И конечно Аріій не былъ и не могъ быть по своему положенію простого пресвитера дѣйствительно признаннымъ вождемъ своей партіи; но и сводить къ нулю все его значеніе и въ дѣлѣ самого возникновенія аріанства нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній.

А. А. Спасскій ¹⁾ дѣлаетъ добросовѣстную попытку показать, что ученіе Лукіана нельзя вполне отождествлять съ аріанствомъ и нельзя называть его „Аріемъ до Арія“. Но нельзя сказать, чтобы попытка эта была особенно удачна.

Конечно А. А. Спасскій²⁾ справедливо замѣчаетъ противъ

¹⁾ (стр. 157—171).

²⁾ (стр. 170).

Гарнака, который „въ своей исторіи догматовъ влагааетъ въ уста Лукіана почти всю аріанскую систему“, что „доказательства а retro, т. е. заимствованныя изъ позднѣйшихъ данныхъ касательно аріанскаго ученія, съ строго научной точки зрѣнія никогда не могутъ быть признаны самостоятельными“ [хотя, конечно, и это замѣчаніе способно вызвать такое возраженіе: но почему же, если нѣтъ никакихъ другихъ данныхъ для реконструкціи данной догматической системы, и разъ зависимость аріанства отъ ученія Лукіана есть хорошо засвидѣтельствованный историческій фактъ?]. Но самъ не дѣлаетъ попытки выяснитъ, въ какихъ именно пунктахъ ученіе Арія отличается отъ ученія Лукіана.

А. А. Спасскій находитъ, что „въ сущности весь матеріалъ, которымъ располагаетъ наука для характеристики догматическихъ воззрѣній Лукіана сводится къ... двумъ пунктамъ: а) — несомнѣнно, что то понятіе о Богѣ, которое занимаетъ центральное мѣсто въ догматической системѣ аріанства и опредѣляетъ всѣ дальнѣйшіе ея выводы, тождественно съ тѣмъ, какое нѣкогда защищалъ Павелъ самосатскій; естественно и до нѣкоторой степени необходимо допустить, что это наслѣдіе перешло отъ Павла аріанамъ черезъ посредство Лукіана, ибо иначе невозможно было бы уяснитъ усвоеніе этого понятія со стороны аріанъ“ [охотно признаю, что это и естественно и въ самой высокой степени вѣроятно, такъ какъ конечно Лукіанъ, даже порвавъ окончательно съ Павломъ и согласившись можетъ быть даже анаѳематствовать его ученіе, едва ли легко могъ отказаться отъ того ученія о Богѣ, съ которымъ свыкъся и которое формально не заключало въ себѣ ничего еретическаго; но такъ какъ это ученіе о Богѣ было аристотелевское, то аріане могли усвоить его и помимо Павла самосатскаго и Лукіана, слѣд. съ строго научной точки зрѣнія“ это предположеніе вовсе не необходимо, и противоположное предположеніе не невозможно] б) — по извѣстію Епифанія, „Лукіанъ отвергалъ человѣческую душу во Христѣ и училъ, что Богъ—Слово воспріялъ только плоть человѣка—, т. е. держался тѣхъ же самыхъ христологическихъ воззрѣній, какия впоследствии проповѣдывали аріане“.

[Конечно, и это тоже весьма вѣроятно, хотя совершенно доказаннымъ и этого пункта считать нельзя. Очень возможно,

что это—только выводъ, сдѣланный Епифаніемъ отъ ученія позднѣйшихъ лукіанистовъ къ ученію самого Лукіана. Съ ученіемъ Павла Самосатскаго этотъ пунктъ аріанской доктрины во всякомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго, такъ какъ Павелъ признавалъ Христа простымъ человѣкомъ, въ которомъ Слово обитало *κατὰ λογίητα* и не замѣняло мѣсто разумной души].

А. А. Спасскій, такимъ образомъ, не хочетъ повидимому соглашаться съ Гарнакомъ въ томъ, что аріане, чрезъ посредство Лукіана заимствовали у Павла самосатскаго его ученіе объ измѣняемости Сына въ нравственномъ отношеніи, о его нравственной *προκοπή*.

Въ заключеніи А. А. Спасскій говоритъ: „Легко видѣть, что въ обоихъ главныхъ пунктахъ, опредѣлившихъ догматику Арія, Лукіанъ предупредилъ аріанство, хотя и нѣтъ основаній утверждать, что онъ уже пришелъ ко всѣмъ тѣмъ крайнимъ выводамъ, какіе высказаны были Аріемъ; эти выводы Лукіану были совершенно не нужны“ [но что это за выводы, и что именно было ему нужно?] и возможно думать, что въ вѣкъ Арія онъ отказался бы отъ защиты Павла самосатскаго“ (но онъ отказался отъ нея и въ свое время) называть его поэтому „Аріемъ до Арія“ нельзя. Тѣмъ не менѣе всѣ данныя, сохранившіяся о Лукіанѣ и его отношеніи къ аріанамъ, заставляютъ полагать, что и въ области догматики еще имъ намѣченъ былъ тотъ путь, на крайней точкѣ котораго лежала система аріанства.

Какіе именно крайніе выводы Арія не принадлежатъ его учителю Лукіану, А. А. Спасскій не пытается выяснитъ, хотя бы и предположительно.

Но въ самомъ ли дѣлѣ наука не имѣетъ никакихъ положительныхъ данныхъ для сужденія о томъ, въ чемъ ученіе Лукіана хотя бы формально отличалось отъ аріанства? Ученіе Арія есть ли единственный источникъ для реконструкціи ученія Лукіана?

Оставляя пока въ сторонѣ такъ называемый „символъ Лукіана“, въ которомъ ученіе о Сынѣ Божіемъ изложено въ выраженіяхъ весьма возвышенных¹⁾, такъ какъ степень уча-

¹⁾ Athan. de syn. 23: *καὶ εἰς ἓνα Κύριον Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν Υἱὸν αὐτοῦ, τὸν μετὰ τὴν Θεὸν, δι' οὗ τὰ πάντα, τὸν γεννηθέντα πρὸ τῶν αἰώνων ἐκ τοῦ Πατ-*

стія въ редактированіи этого символа самого Лукіана едва ли можетъ быть выяснена съ точностью, позволяю себѣ напомнить, что ученикомъ Лукіана, по словамъ самого Арія, былъ и Евсевій никомидійскій, отъ котораго мы имѣемъ письмо къ Павлину Тирскому, письмо небольшое, но все же дающее нѣкоторое понятіе о его догматическихъ воззрѣніяхъ.

Ученіе Евсевія никомидійскаго обыкновенно отождествляютъ съ учениемъ самаго Арія. Но письмо къ Павлину не оправдываетъ этого взгляда. В. Н. Самуиловъ ¹⁾ на основаніи этого письма основательно отнесъ Евсевія къ числу оміевъ и въ недавнее время *Лихтенштейнъ* въ социальномъ изслѣдованіи объ Евсевіи никомидійскомъ вынужденъ былъ отмѣтить, что у Евсевія—по крайней мѣрѣ—по буквѣ нѣтъ „ἐξ οὐκ ὄντων“ ²⁾.

Разъ признана возможность отличія ученія Арія отъ ученія Евсевія, то становится ясно, что для рекомендаціи ученія Лукіана имѣютъ особенный интересъ тѣ пункты, гдѣ ученіе Евсевія неотличалось отъ ученія Арія; въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ возможность выслушать голосъ, такъ сказать двухъ свидѣтелей объ ученіи Лукіана, двухъ учениковъ его ³⁾.

ρὸς. Θεὸν ἐκ Θεοῦ, ὅλον ἐξ ὅλου, μόνον ἐκ μόνου, τέλειον ἐκ τελείου, βασιλεὺς ἐκ βασιλέως, Κόριον ἀπὸ Κυρίου, Λόγον ζῶντα, σοφίαν, ζωσαν, φῶς ἀληθινόν, ὁδόν, ἀλήθειαν, ἀνάστασιν, ποιμένα, θῆραν, ἀρεπτον καὶ ἀναλλοίωτον τῆς θεότητος, οὐσίας τε καὶ βουλῆς καὶ δυνάμεως, καὶ δόξης τοῦ Πατρὸς ἀπαράλλακτον κίονα, τὸν πρωτότογον πάσης κτίσεως, τὸν ὄντα ἐν ἀρχῇ πρὸς τὸν Θεόν, Λόγον Θεόν κατὰ τὸ εἰρημένον ἐν τῷ εὐαγγελίῳ. „Καὶ Θεὸς ἦν Λόγος“ δι' οὗ τὰ πάντα ἐγένετο, καὶ ἐν αὐτῷ τὰ πάντα συνέστηκε.

¹⁾ Самуиловъ, *Исторія арианства на латинскомъ западѣ* Спб. 1890, стр. 48.

²⁾ A. Lichtenstein Eusebius v. Nicomidien Halle. 1903. S. 96—7.

³⁾ На письмо Евсевія къ Павлину, какъ на источникъ для реконструкціи системы Лукіана указываютъ и R. Seeberg, *Lehrbuch der Dogmengeschichte* II² Leipzig 1910, ss. 18—19. S. 18: Aus den Äusserungen des Arius sowie des Eusebius von Nikomedien kann man seine spätere Christologie [христологию Лукіана по его отдѣленіи отъ Павла самосатскаго] mit einer gewissen Wahrscheinlichkeit rekonstruieren. S. 19 sub verso: Der Brief Eusebs an Paulinis v. n. Tyrus gibt eine Übersicht seiner Lehre, sie kommt in der Sache mit Arius überein [съ учениемъ Арія въ его письмѣ къ самому Евсевію], ohne doch formell von ihm abhängig zusein. Dann aber scheint der Schluss sicher zu sein, dass die gemeinsamen Ideen in den beiden Briefen die beiden Autoren gemeinsame Schullehre, d. h. die Lehre des Lucian zum Ausdruck bringen.—Зеебергъ однако думаетъ, что и Лукіанъ

Вотъ что пишетъ Евсеβiй Павлину:

οὔτε δύο ἀγέννητα ἀκηράμεν, οὔτε ἓν εἰς δύο διηρημένον, οὔτε σωματικόν πεποιηθὸς μεμαθήκαμεν ἢ πεπιστεύκαμεν—ἀλλ' ἐν μὲν τῷ ἀγέννητον, ἐν δὲ τῷ ὑπ' αὐτοῦ ἀληθῶς, καὶ οὐκ ἐκ τῆς οὐσίας αὐτοῦ γεγονῶς, καθόλου τῆς φύσεως τῆς ἀγεννήτου μὴ μετέχον, ἢ ὧν ἐκ τῆς οὐσίας αὐτοῦ, ἀλλὰ γεγονὸς ὀλοσχερῶς ἕτερον τῇ φύσει καὶ τῇ δυνάμει, πρὸς τέλειαν ὁμοιότητα διαθέσεως τε καὶ δυνάμεως τοῦ πεποιηκότως γενόμενον, οὐ τὴν ἀρχὴν οὐ λόγῳ μόνον ἀδιήγητον, ἀλλὰ καὶ ἐννοία οὐκ ἀνθρώπων μόνον, ἀλλὰ καὶ τῶν ὑπὲρ ἀνθρώπων πάντων εἶναι ἀκατάληπτον πεπιστεύκαμεν, καὶ ταῦτα οὐχὶ λογισμοὺς ἑαυτῶν ὑποθέμενον. ἀλλ' ἀπὸ τῆς γραφῆς μεμαθηκότες λέγομεν κτιστὸν εἶναι καὶ θεμελιωτὸν καὶ γεννητὸν τῇ οὐσία, καὶ τῇ ἀναλλοιώτῳ καὶ ἀρρητῳ φύσει, καὶ τῇ ὁμοιότητι τῇ πρὸς τὸν πεποιηκότα μεμαθήκαμεν ὡς αὐτὸς ὁ κύριός φησιν ὁ θεὸς ἔκτισέ με ἀρχὴν ὁδῶν αὐτοῦ καὶ πρὸ τοῦ αἰῶνος ἐθεμελίωσέ με. πρὸ δὲ πάντων τῶν βουνῶν γεννᾷ με· εἰ δὲ ἐξ αὐτοῦ, τοῦτ' ἔστιν ἀπ' αὐτοῦ ἦν, ὡς ἂν μέρος αὐτοῦ, ἢ ἐξ ἀπορροίας τῆς οὐσίας, οὐκ ἂν ἔτι κτιστὸν, οὐδὲ θεμελιωτὸν εἶναι ἐκέχρητο -- τὸ γε ἐκ τοῦ ἀγεννήτου ὑπάρχων, κτιστὸν εἶναι ὑφ' ἑτέρου ἢ ὑπ' αὐτοῦ ἢ θεμελιωτὸν οὐκ ἂν εἶη, ἐξ ἀρχῆς ἀγέννητον ὑπάρχων. εἰ δὲ τὸ γεννητὸν αὐτὸν λέγεσθαι ὑπόφασιν τινα παρέχει, ὡς ἂν ἐκ τῆς οὐσίας τῆς πατριτῆς αὐτὸν γεγονότα, καὶ ἔχειν ἐκ τούτου τὴν ταυτότητα τῆς φύσεως, γινώσκομεν ὡς οὐ περὶ αὐτοῦ μόνου τὸ γεννητὸν εἶναι φησιν ἢ γραφῇ, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τῶν ἀνομοίων αὐτῷ κατὰ πάντα τῇ φύσει καὶ γὰρ ἐπ' ἀνθρώπων φησὶν, υἱὸς ἐγέννησα καὶ ἕψωσα αὐτοὶ δὲ μὲ ἠθέτησαν. καὶ θεὸν τὸν γεννήσαντα σε ἐγκατέλιπτες, καὶ ἐν ἑτέροις φησὶ τίς ἂ τετυκῶς βόλους δρόσου οὐ τὴν φύσιν ἐκ τῆς φύσεως διηγούμενος, ἀλλὰ τὴν ἐφ' ἑκάστου τῶν γενομένων ἐκ τοῦ βουλήματος αὐτοῦ γενεσιν. οὐδὲν γάρ ἐστιν ἐκ τῆς οὐσίας αὐτοῦ, πάντα δὲ βουλήματα αὐτοῦ γενόμενα, ἕκαστον ὡς καὶ ἐγένετο ἐστὶν ὁ μὴν γὰρ θεὸς, τὰ δὲ πρὸς ὁμοιότητα λόγῳ ὅμοια ἐσόμενα τὰ δὲ κατ' ἐκουσιασμὸν γενόμενα. τὰ δὲ πάντα δι' αὐτοῦ ὑπὸ τοῦ θεοῦ γενόμενα πάντα δὲ ἐκ τοῦ θεοῦ.

Вотъ и все догматическое содержанiе этого письма. Въ немъ нѣтъ ни „ἐξ οὐκ ὄντων“ ни ἦν ποτε ἕτε οὐκ ἦν ни даже „πρὶν γεννηθῆναι οὐκ ἦν“, хотя въ цѣломъ вся эта аргумен-

привнавалъ Сына Божiя тварью, происшедшою во времени, но что не оправдываетъ письмо Евсеβiя къ Павлину. Книга Зееберга мною получена была уже по окончанiи этой статьи.

тація Евсевія такова, что съ нею вполне согласенъ былъ и самъ Аріій. Вся полемика Евсевія направлена противъ ученія о Сынѣ Божіемъ какъ „нерожденномъ“ или рожденномъ изъ существа Отца. Доказывая это положеніе, Евсевій ссылается и на извѣстныя слова Притчей (8, 22), „Господь создалъ меня началомъ путей своихъ— и прежде вѣка основалъ меня; прежде же всѣхъ холмовъ рождаетъ меня“: если Сынъ произошелъ „изъ“ Бога, или „отъ“ Него, какъ часть Его, или какъ истеченіе сущности Его, то какъ же могло быть сказано о немъ, что Онъ созданъ или основанъ? существующее (получившее бытіе) изъ нерожденного, не было ни созданнымъ, „ни основаннымъ, будучи изъ начала нерожденнымъ“. Если же тотъ фактъ, что онъ называется также и рожденнымъ даетъ нѣкоторый поводъ говорить, что онъ произошелъ изъ существа Отца и имѣетъ съ нимъ тождество по природѣ, то мы вѣдь знаемъ, что писаніе и не объ немъ одномъ говоритъ, какъ о рожденномъ, но и о совершенно неподобныхъ Ему во всемъ, какъ напр. о людяхъ („Сыны родихъ и возвысихъ; тѣ же отвѣргашася Мене“: „Бога родившаго Тебя, ты основалъ“) и даже о капляхъ росы, указывая этимъ не природу отъ природы, но происхожденіе изъ воли Его, *ἐκ τοῦ βουλήματος αὐτοῦ*, ибо ничего не произошло изъ существа Его, все же происшедшее по волѣ его существуетъ такъ, какъ и произошло: Онъ Богъ: все же остальное произошло отъ Бога чрезъ Слово: *πάντα δὲ ἐκ Θεοῦ* заключаетъ свою аргументацію Евсевій.

Но на вопросъ, изъ чего именно родилось Слово, Евсевій не даетъ прямого отвѣта, не говоритъ, какъ Аріій *ἐξ οὐκ ὄντων*: и даже къ выводу, что Оно рождено, какъ и все прочее „изъ воли“ Отца подходитъ съ осторожностью.

Лихтенштейнъ ¹⁾ говоритъ правда, что въ этомъ *ἐκ τοῦ βουλήματος* высказывается ясно точка зрѣнія Арія, ибо и онъ свое *ἐξ οὐκ ὄντων* обосновывалъ тѣмъ, что Сынъ *οὐδὲ μέρος Θεοῦ, οὐδὲ ἐξ ἐκκεκμηένου τινός*.

Но въ данномъ случаѣ, съ точки зрѣнія вопроса о Ликіанѣ, важно уже то одно, что Евсевій не высказывается ясно въ томъ смыслѣ, что Сынъ родился „изъ ничего“, *ἐξ οὐκ ὄντων*.—Рожденнымъ „изъ воли“ Отца признавалъ Сына

¹⁾ Lichtenstein S. 14.

и Оригенъ, который прямо полемизировалъ съ признающими, что было время, когда не было Сына, и у котораго это ученіе о рожденіи изъ воли Отца мало разнится отъ ученія о рожденіи изъ существа Отца, хотя по буквѣ и самъ Оригенъ относился къ этому ученію полемически по основаніямъ совершенно аналогичнымъ съ тѣми, по которымъ отвергали его и Евсевій никомидійскій и самъ Аріій.

Образъ происхожденія Сына, его *ἀρχή*, Евсевій, какъ и св. Ириней, Оригенъ, св. Александръ, Евсевій кесарійскій и всѣ оміи, признаетъ не только невыразимымъ словомъ, но и непонятнымъ для мысли, не только человѣческой, но и выше-человѣческой, а самого Сына, хотя и совершенно инымъ по природѣ и силѣ, чѣмъ Отецъ, и даже не участвующимъ въ его природѣ, однако совершенно подобнымъ сотворившему Его и по природѣ и по силѣ.

На вопросъ же о времени рожденія Сына Евсевій не даетъ здѣсь совершенно никакого отвѣта. Что онъ совершенно согласенъ былъ въ этомъ случаѣ съ Аріемъ, доказываетъ отрывокъ изъ его письма къ Арію приводимый Аѳанасіемъ В. ¹⁾.

ὁ—ἀπὸ τῆς Νικομηδείας Εὐσέβιος... ἔγραψεν Ἀρείῳ. καλῶς φρονῶν εἶχον πάντας οὕτως φρονεῖν. παντὶ γὰρ δῆλόν ἐστιν ὅτι τὸ πεποιημένον οὐκ ἦν πρὶν γενέσθαι, τὸ γενόμενον δὲ ἀρχὴν ἔχει τὸ εἶναι.

Но интересно, что и въ этомъ письмѣ, онъ приводитъ это положеніе не безъ доказательствъ, ссылается на то самоочевидное въ его глазахъ положеніе, что „происшедшее должно имѣть начало бытія“. Слѣдовательно и положеніе *οὐκ ἦν πρὶν γενέσθαι* не было для Евсевія тезисомъ, освященнымъ преданіемъ, и потому онъ едвали совершенно случайно умалчиваетъ о немъ въ письмѣ къ Павлину.

Если бы положенія: „*ἦν ποτὲ ὅτε οὐκ ἦν*“ (= „*πρὶν γεννηθῆναι οὐκ ἦν*“) и „*ἐξ οὐκ ὄντων*“ принадлежали самому Лукіану, то Евсевій никомидійскій высказался бы ясно въ этомъ смыслѣ и въ своемъ письмѣ къ Павлину.

Слѣдовательно, термины эти принадлежатъ не Лукіану, а самому Арію.

Выводъ этотъ косвенно подтверждаетъ и письмо самого Арія къ „солукіанниту“ Евсевію. Александрійскій пресви-

¹⁾ (de synod. n. 17).

теръ не умалчиваетъ здѣсь ни „*πρὶν γεννηθῆ ὄνχ ἦν*“, то объ „*ἐξ ὄνχ ὄντων*“, но эти положенія и у него являются только какъ выводъ изъ того основнаго положенія, что Сынъ не есть нерожденный или что тоже въ глазахъ Арія—безначальный, ни часть нерожденнаго, ни произошелъ изъ какого либо матеріала ¹⁾).

Если бы эти выраженія употреблялъ уже Лукіанъ, то Арія едвали умолчалъ бы объ этомъ въ письмѣ къ своему „солукіанисту“ Евсевію.

Такимъ образомъ два письма двухъ лукіанистовъ даютъ намъ полное научное право заключать, что мученикъ Лукіанъ въ своемъ ученіи о Сынѣ Божіемъ не сдѣлалъ самъ тѣхъ крайнихъ выводовъ изъ своего ученія, какія сдѣлалъ потомъ Арія, не дошелъ до открытаго признанія, что Сынъ Божій рожденъ во времени изъ ничего и не существовалъ до своего рожденія.

До какой степени важенъ для сужденія о православіи Лукіана тотъ выводъ, что онъ не употреблялъ, говоря о рожденіи Сына Божія, выраженія *ἐξ ὄνχ ὄντων*, показываетъ тотъ фактъ, что рожденнымъ во времени, предъ твореніемъ міра, признавали Слово Божіе и всѣ апологеты, не исключая ни Аѳинагора, ни Тертуліана, но такъ какъ рожденію Сына, какъ Слова произнесеннаго, *λόγος προφορικὸς*, по ихъ ученію предшествовало существованіе его, какъ Слова внутренняго, *λόγος ἐνδιάθετος*, то ученіе ихъ было православно въ основѣ: Сынъ Божій являлся у нихъ дѣйствительнымъ, природнымъ Сыномъ Отца, Существомъ необходимо предполагаемымъ самимъ бытіемъ Бога Отца, какъ его Слово и Премудрость: и только непостоятельность, недостатокъ спекуляціи и зависимость отъ ходячихъ философскихъ представленій, не позволяли имъ дойти до признанія, что ихъ ученіе о двоякомъ Словѣ вноситъ моментъ конечности въ самое бытіе Бога и что признавая Сына Божія природнымъ Сыномъ Отца, Его Словомъ и Премудростію: они должны

1) ὁ Υἱὸς ὄνχ ἀγέννητος, οὐδὲ μέρος ἀγέννητον—οὐδὲ ἐξ ἐπιγεγεννημένου τινος· ἀλλ' ὅτι θελήσεται καὶ βουλή ἐπέστω -- καὶ πρὶν γεννηθῆ ἢ χτισθῆ ἢ θεμελιωθῆ ὄνχ ἦν ἀγέννητος· γε ὄνχ ἦν διακόμεθα ὅτι ἔπαμεν, ἀρχὴν ἔχει ὁ υἱὸς, ὁ δὲ θεὸς ἀναρχὸς ἐστι. διὰ τοῦτο διακόμεθα καὶ ὅτι ἔπαμεν, ὅτι ἐξ ὄνχ ὄντων ἐστίν. οὕτως δὲ ἔπαμεν, καθότι οὐδὲ μέρος θεοῦ ἐστιν, οὐδὲ ἐξ ἐπιγεγεννημένου τινος.

бы, оставаясь послѣдовательными, и самое рожденіе Его признать актомъ столь же вѣчнымъ, какъ и самое бытіе Бога Отца 1).

Не высказываясь яено въ томъ смыслѣ, что Слово Божіе произошло изъ ничего, какъ и всѣ остальные творенія, Лукіанъ, каковы бы ни были недостатки его догматической системы, оставался на почвѣ церковнаго ученія и потому не можетъ считаться „Аріемъ до Арія“.

(Окончаніе будетъ).

1) Ср. В. В. Болотовъ, Ученіе Оригена о Св. Троицѣ, 401—404.

Евсевій никомидійскій и Лукіанъ.

(Къ вопросу о происхожденіи арианства).

(Окончаніе).

Какимъ образомъ лүкианисты дошли до признанія Сына происшедшимъ изъ ничего, объяснить не трудно. По всей вѣроятности, полемика Евсевія Никомидійскаго противъ ученія о рожденіи изъ существа заимствована имъ у Лукіана, а этимъ послѣднимъ у Оригена: ученіе св. Александра александрійскаго само по себѣ не подавало никакого повода къ такой полемикѣ. Но это выраженіе отвергаль Оригенъ, и Лукіанъ въ полемикѣ противъ него могъ пойти нѣсколько дальше Оригена. Но разъ Сынъ Божій не изъ существа Отца и не *ἐξ ἐλογημένου τινός*, то откуда же? Самъ Лукіанъ очевидно не давалъ яснаго отвѣта на этотъ вопросъ, ссылаясь на непостижимость рожденія Сына. Но Аріій поставилъ вопросъ ребромъ и рѣшилъ его: изъ ничего *ἐξ οὐκ ὄντων*.

Для освѣщенія вопроса о томъ, какъ училъ Лукіанъ объ отношеніи рожденія Сына ко времени имѣеть интересъ слѣдующее мѣсто въ письмѣ арианъ къ Александру:

Καὶ ὁ μὲν Θεὸς αἴτιος τῶν πάντων τιγῶνων, ἐστὶν ἀναρχος μονώτατος. Ὁ δὲ Υἱὸς, ἀχρόνως γεννηθεὶς ἐπὶ τοῦ πατρὸς. καὶ πρὸ αἰώνων κτισθεὶς καὶ θεριελωθεὶς, οὐκ ἦν πρὸ τοῦ γεννηθῆναι, ἀλλ' ἀχρόνως πρὸ πάντων γεννηθεὶς μόνος ἐπὶ τοῦ πατρὸς ἐπέστη. Οὐδὲ γὰρ ἐστὶν αἰδιος, ἢ συναίδως, ἢ συναγέννητος τῷ πατρὶ· οὐδὲ ἅμα τῷ πατρὶ τῷ εἶναι ἔχει.

Итакъ Сынъ родился отъ Отца внѣ времени, *ἀχρόνως*, и прежде всѣхъ вѣковъ, и однако онъ не вѣченъ и не совѣченъ Отцу и не существовать до рожденія! Слѣд., понятія людей 3—4 в.в. о временномъ и вѣчномъ далеко не совпа-

дали съ нашими: и „прежде всѣхъ вѣковъ“ и даже раньше времени, въ безвременномъ состояніи“, *ἀχρόνωος*, для нихъ всетаки мыслилось какое-то время. И вотъ въ этомъ то „вышевременномъ“ времени, по Арію родился Сынъ Божій. Но съ другой стороны *αἰδίος*, для него означало тоже, что *ἀναρχος*: онъ не могъ представить себѣ вѣчнаго рожденія, и въ этомъ рѣшительно расходился съ Оригеномъ. Слѣд., выраженіе лукіановскаго символа „*πρὸ τῶν αἰώνων*“—допуская что символъ этотъ въ основѣ лукіановскій—нисколько не противорѣчитъ предположенію, что Лукіанъ представлялъ себѣ рожденіе Сына актомъ временнымъ, и можетъ быть даже высказывался въ этомъ смыслѣ предъ своими учениками. Но съ другой стороны отмѣченное вербальное противорѣчіе въ письмѣ аріанъ къ Александру допускаетъ и такое объясненіе: самъ Лукіанъ училъ (какъ и Оригенъ) о рожденіи Сына не только предвѣчнымъ, но и довременномъ (*ἀχρόνωος*) въ строжайшемъ смыслѣ этого слова. Но такъ какъ Лукіанъ, при этомъ, какъ и Оригенъ называлъ Сына твореніемъ, *κτίσμα*, прежде вѣкъ основаннымъ въ начало путей Отца, слѣд. рожденномъ или созданномъ для творенія міра; и особенно настаивалъ на томъ, что только одинъ Отецъ есть нерожденный и безначальный, то Аріій, для котораго *αἰδίος* было синонимомъ съ *ἀγέννητος* и *ἀναρχος*, сдѣлалъ отсюда выводъ, что слѣд. и Сынъ, хотя и рожденный прежде вѣковъ и времени, всетаки родился въ какое-то особое время и не существовалъ до рожденія.

Изъ письма Евсевія къ Павлину видно что Лукіанъ обращалъ особенное вниманіе на слова Притчей 8, 2: Господь созда мя и пр... можетъ быть потому, что видѣлъ въ нихъ особенно сильное орудіе въ борьбѣ съ савелліанствомъ. И, можетъ быть, подобно Діонисію александрійскому, комментируя это мѣсто заходилъ дальше, чѣмъ слѣдовало, въ сравненіи Сына Божія съ „прочими тварями“. Низлишне напомнить, что и въ символѣ Лукіана Сынъ Божій называется „перворожденнымъ всея твари, *πρωτότοκον πάσης κτίσεως*“. А изъ ученія о Сынѣ Божіемъ, какъ твари, слѣдовало конечно тотъ логическій выводъ, что Онъ произошелъ во времени и изъ ничего. Самъ Лукіанъ такого вывода не сдѣлалъ, но Аріій и другіе ученики его сдѣлали его, оставаясь „лукіаннистами“, видя въ себѣ не творцовъ совершенно новой до-

гматической системы, а совершенно вѣрныхъ учениковъ Лукіана, лишь сказавшихъ ясно то, что, предполагается, сказали бы, если бы нашелъ нужнымъ, и самъ учитель.

Обращаетъ на себя вниманіе и то обстоятельство, что Евсевій никомидійскій приводитъ въ своемъ письмѣ то самое мѣсто изъ книги пророка Исаи (I, 2), какое, по словамъ Александра александрійскаго, приводили ариане, въ доказательство измѣняемости Сына въ нравственномъ отношеніи, хотя приводилъ и не съ тою цѣлью, какъ эти ариане. Можно, слѣд., думать, что и это мѣсто приводилъ уже самъ Лукіанъ. И такъ какъ ариане приводили это мѣсто для доказательства такого пункта своей доктрины, въ которомъ ихъ система соприкасается съ системой Павла самосатскаго, то разумѣется само собою напрашивается предположеніе, что и самъ Лукіанъ приводилъ эти слова съ тою же цѣлью, какъ и ариане, слѣдовательно и онъ признавалъ Сына Божія измѣняемымъ по природѣ.—Но, спрашивается, почему же въ такомъ случаѣ, Евсевій никомидійскій приводитъ эти слова совсѣмъ съ другою цѣлью, доказывая ими только то, что названіе „Сынъ“ не доказываетъ, что Сынъ Божій родился изъ Самаго Существа Бога Отца? И почему оба лукіаниста, и Евсевій, и самъ Аріій въ письмахъ къ Евсевію и Александру, равно какъ и символъ Лукіана, называютъ Сына Божія неизмѣняемымъ *ἀτρέπτος καὶ ἀναλλοίωτος*?—Нельзя также оспаривать и того, что разъ ученіе Лукіана было гораздо болѣе возвышенно, чѣмъ ученіе Арія, то онъ едва ли могъ признать Сына Божія измѣняемымъ нравственно.

Въ виду этого позволяли себѣ выставить такую гипотезу: цитату изъ Исаи I, 2 и Евсевій никомидійскій и ариане у Александра въ *Ψήλαρχος* взяли у Лукіана. Но первый взялъ его изъ позднѣйшихъ сочиненій Лукіана, писанныхъ имъ по примиреніи съ церковью; послѣдніе изъ раннѣйшихъ, написанныхъ тогда, когда Лукіанъ находился въ церковнаго общенія и былъ послѣдователемъ Павла самосатскаго. Какъ ученикъ Павла, Лукіанъ пользовался этимъ текстомъ для доказательства, нравственной измѣняемости Христа, какъ человѣка, въ которомъ только обитало Слово. Но соединившись съ церковью и признавъ Христа за первую и совершеннѣйшую тварь, за второго Бога, Лукіанъ пересталъ считать его измѣняемымъ: и знакомымъ ему текстомъ изъ Исаи

сталъ пользоваться для другой цѣли. Что аріане могли пользоваться и тѣми сочиненіями Лукіана, которыя онъ писалъ еще какъ ученикъ Павла самосатскаго, пожалуй даже и вовсе не замѣчая въ нихъ ереси, доказываетъ хотя бы извѣстная исторія съ твореніями Аполлинарія лаодикійскаго.

Возможно также (и даже и очень вѣроятно), что переходъ Лукіана отъ Павла самосатскаго къ церкви былъ постепенный, и относительно нѣкоторыхъ его сочиненій (писемъ) очень трудно было рѣшить, написаны ли они Лукіаномъ—схизматикомъ или Лукіаномъ—пресвитеромъ антиохійскимъ. Можетъ быть, изъ одного изъ такихъ, написанныхъ въ переходномъ состояніи, сочиненій Лукіана аріане и заимствовали ученіе о нравственной измѣняемости Сына Божія съ ссылкой на Исаю 1, 2.

Изложенная гипотеза—какъ ни рискованна можетъ показаться она на первый взглядъ—представляется мнѣ весьма правдоподобной, потому что она, кажется, даетъ возможность наилучшимъ образомъ объяснить колебаніе Арія и его послѣдователей въ вопросѣ о томъ, нужно ли признавать Сына Божія измѣняемымъ или неизмѣняемымъ. Въ догматической системѣ вполне оригинальной, такое колебаніе было совершенно непонятно. Не вполне понятно это и въ томъ случаѣ, если предположить что Арій и его союзники лукіанисты пользовались лишь тѣми сочиненіями Лукіана, въ которыхъ его ученіе излагалось имъ уже въ окончательной формѣ. Но это колебаніе вполне понятно, какъ отраженіе двухъ различныхъ стадій развитія догматической системы Лукіана: ученіе о Сынѣ Божіемъ, какъ измѣняемомъ, принадлежитъ Лукіану, какъ ученику Павла самосатскаго; Лукіанъ же православный пресвитеръ антиохійскій считалъ его неизмѣняемымъ и непреложнымъ.

Становится теперь понятнымъ и отношеніе къ Лукіану оміусіанъ, и тотъ фактъ, что приписываемый ему символъ—2-я антиохійская форма отличается столь возвышеннымъ содержаніемъ. Если бы ученіе Лукіана было чистымъ арианствомъ, то оміусіане—рѣшительные противники аноміиства—не стали бы именно на него ссылаться какъ на свой авторитетъ, и 2-я антиохійская формула не только не могла бы принадлежать ему, но и не была бы ему приписана.

Письма двухъ лукіанистовъ даютъ, кажется, возможность

высказаться опредѣленно и по вопросу о томъ, дѣйствительно ли 2-я антиохійская формула—и въ какой мѣрѣ—принадлежить Лукіану 1).

Выше уже отмѣчены нѣкоторыя точки соприкосновенія этого символа съ письмами лукіанистовъ:

1. *Πρὸ τῶν αἰώνων* cf. Arii ad. Euseb: *πρὸ χρόνων καὶ πρὸ αἰώνων* ad. Alex. *πρὸ χρόνων αἰωνίων δι' οὗ καὶ τοὺς αἰώνας καὶ τὰ ὅλα πεποιήσας—πρὸ χρόνων καὶ πρὸ αἰώνων κτισθέντα—ἀχρο- νως γεννηθεῖς—καὶ πρὸ αἰώνων κτισθεῖς καὶ θεμελιωθεῖς.*—Euseb. ad. Paulin (въ цитатѣ изъ Притч. 8, 23): *πρὸ τοῦ αἰῶνος ἐθε- μελίωσέ με.*—Изъ письма Евсевія къ Павлину видно, что выраженіе *πρὸ τῶν αἰώνων* заимствовано изъ Притч. 8, 23—изъ классическаго библейскаго текста арианъ. Конечно, отсюда взялъ его и самъ Лукіанъ.

2. *ἄτρηπτον τε καὶ ἀναλλοιώτονον* cf. Arii ad. Euseb. *ἀναλλοιώτονον* ad. Alex. *ἄτρηπτον καὶ ἀναλλοιώτονον* Euseb. *τῇ ἀναλλοιώτῳ—φύσει.*

3. *πρωτοτόχον πάσης κτίσεως* (Колосс. I, 15). На это выраженіе ап. Павла ни Аріи и Евсевиі не ссылаются въ своихъ письмахъ. Но и оно безспорно лежитъ въ основѣ ихъ воззрѣній на Сына Божія, какъ на тварь.

4. Но особенно интересны слова въ заключительной части припискѣ къ символу Лукіана (аналогичной съ никейскимъ анаѳематизмомъ), во 2-мъ анаѳематизмѣ: *Καὶ εἰ τις λέγει τον Υἱὸν κτίσμα ὡς ἐν τῶν κτισμάτων, ἢ γέννημα ὡς ἐν τῶν γεννημάτων, ἢ ποιήμα ὡς ἐν τῶν ποιημάτων—ἀνάθεμα ἔστω.* Сравн. Arii ep. ad Alex.—*κτίσμα τοῦ Θεοῦ τέλειον, ἀλλ' οὐχ' ὡς ἐν τῶν κτισμάτων γέννημα, ἀλλ' οὐχ' ὡς ἐν τῶν γεννημάτων.*—Въ особен- ности интересно это буквальное совпаденіе лукіановскаго символа съ посланіемъ *Ἡ πίστις ἡμῶν*, если признать вмѣстѣ съ Шварццемъ, что исповѣданіе вѣры въ этомъ посланіи составлено на виннискомъ соборѣ, слѣд. можетъ считаться духовною собственностью не одного Арія, но и Евсевія никомидійскаго, Θεогнія никейскаго и Марія халкидонскаго, слѣд. цѣлою группою виднѣвшихъ лукіанистовъ.

Правда, по изслѣдованію извѣстнаго спеціалиста въ вопросѣ о символахъ Каспари, заключительная часть 2-й антиохійской формулы, начиная со словъ *ταύτην οὐκ ἔχοντες τὴν πίστιν*, прибавлена на самомъ антиохійскомъ соборѣ 341 года

1) Ср. *Спасскій*—159—160, 432.

и не можетъ, какъ текстъ, принадлежать Лукіану. Но такъ какъ и относительно главной части символа далеко не безспорно, что онъ представляетъ собою совершенно буквальное воспроизведеніе исповѣданія вѣры, составленнаго самимъ Лукіаномъ, то нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что отцы антиохійскаго собора приведенное мѣсто заимствовали у Лукіана. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что не могли же отцы антиохійскаго собора 341 года заимствовать это выраженіе изъ письма Арія къ Александру. Правда письмо это, какъ доказалъ В. Н. Самуиловъ, впоследствии получило значеніе авторитетнаго догматическаго памятника въ глазахъ оміійской партіи. Но въ 341 году оміи еще не выдѣлились какъ особая партія изъ ряда другихъ антиникейцевъ, и на соборѣ *εν τοῖς ἐγκαινίοις* большинство несомнѣнно составляли правые оригенисты, для которыхъ ученіе Арія было совершенно неприемлемо и въ томъ видѣ, какъ оно излагается въ письмѣ къ Александру. И сами авторы 2-й антиохійской формулы въ 1 анафематизмѣ стараются отклонить отъ себя всякое подозрѣніе относительно того, что они признаютъ существованіе какаго-то времени до рожденія Сына. *Καὶ εἴ τις παρὰ τῆν ἐπιτῆ τῶν γραφῶν πιστὶν διδάσκει λέγων ἢ χρόνον, ἢ καιρὸν, ἢ αἰῶνα, ἢ εἶναι ἢ γεγονέναι, πρὸ τοῦ γεννηθῆναι τὸν Υἱὸν α. ε.* Въ посланіи *Ἡ πίστις* прямо сказано, что Сынъ не существовалъ до рожденія, *οὐκ ἦν πρὶν τοῦ γεννηθῆναι*, и не совѣченъ Отцу.—Поэтому я склоненъ думать, что выраженіе *κτίσις ἀλλ' οὐχ ὡς ἐν τῶν κτισμάτων, γέννημα, ἀλλ' οὐχ ὡς ἐν τῶν γεννημάτων*, и самимъ Аріемъ заимствовано у Лукіана.

(Можетъ быть, неизлишне указать и на то, что эта фраза въ символѣ Лукіана нѣсколько полнѣе, чѣмъ у Арія, у котораго нѣтъ ничего соответствующаго словамъ символа: *ποίησις, ἀλλ' οὐχ ὡς ἐν τῶν ποιημάτων*).

5. Въ символѣ Лукіана Сынъ Божій называется „неразличнымъ образомъ“ „божества, существа, совѣта, *ου.λυ.* и славы Отца“. У Арія нѣтъ параллелей къ этому.

[Можно развѣ лишь указать параллель къ слову *δόξης* въ ер. ad. Alex. *καὶ τὸ ζῆν καὶ τὸ εἶναι παρὰ τοῦ πατρὸς εἰληφότα, καὶ τὰς δόξας συνυποστήσαντος αὐτῷ τοῦ πατρὸς—παρὰ τοῦ Θεοῦ τὸ εἶναι ἔχει καὶ τὰς δόξας καὶ τὸ ζῆν*; здѣсь слово *δόξα* могло быть взято у Лукіана; но смыслъ его употребленія совершенно иной у Лукіана и Арія.

Но Евсевій никомидійскій говоритъ о „совершенномъ *побѣдѣ* расположенія и *силы*“ Отца и Сына. Разница между символомъ Лукіана и Евсевіемъ въ этомъ отношеніи, конечно, неоспорима. Символь Лукіана есть документъ совершенно оміусіанскій по своему смыслу, письмо Евсевія только оміскій. Но кажется естественнѣе думать, что Евсевій сдѣлалъ здѣсь уклонъ влѣво отъ ученія Лукіана, чѣмъ что отцы антиохійскаго собора 341 года уклонились вправо, или даже заимствовали это выраженіе не у Лукіана.

Такимъ образомъ, сличеніе 2-й антиохійской формулы съ письмами двухъ лукіанистовъ подтверждаетъ показаніе оміусіанъ, что эта формула по содержанію и до известной степени и по фразѣ принадлежитъ мученику Лукіану. Это подтверждаетъ и общій характеръ символа; обиліе въ немъ терминовъ, заимствованныхъ изъ священнаго писанія, какъ „Слово живое, Премудрость живая, Свѣтъ истинный, Путь, Истина, Воскресеніе, Пастырь, Дверь“. Въ пресвитеръ Лукіанъ, много потрудившемся для установки греческаго текста Св. Писанія, основателъ той богословско-экзегетической школы, которая въ противовѣсъ аллегоризму александрийцевъ, выдвигала на первый планъ буквальный смыслъ Писанія, естественно ожидать особенной любви къ библейскимъ выраженіямъ. Не даромъ и въ 4 вѣкѣ лукіанисты и ихъ союзники въ борьбѣ съ никейскимъ символомъ съ особенною настойчивостью указываютъ на то, что въ него внесены не библейскія выраженія, и въ свои собственныя вѣронзложенія, чтобы показать ихъ согласіе съ Св. Писаніемъ, прямо вносятъ выраженіе *κατὰ τὰς γραφὰς*.

Слѣдовательно, для реконструкціи ученія Лукіана, мы смѣло можемъ, подлѣ писемъ Евсевія никомидійскаго и Арія, пользоваться и „символомъ Лукіана“—2-й антиохійской формулой.

Въ какомъ же видѣ представляется ученіе Лукіана о Св. Троицѣ по этимъ источникамъ?

Существуетъ одинъ только нерожденный и безначальный Богъ Отецъ, Вседержитель, Творецъ всего и Промыслитель, изъ Котораго все, Единый Истинный Богъ, Единый имѣющій безсмертіе, Единый Премудрый, Единый Благій, неизмѣнный и непреложный, Богъ закона и пророковъ и Новаго завета, Онъ прежде всѣхъ вѣковъ родилъ Сына своего,

Единогоднаго Бога, чрезъ котораго создалъ и вѣка и все, Бога отъ Бога, Совершеннаго изъ Совершеннаго, Единого изъ Единого, Слово явное, живую Премудрость, Свѣтъ истинный, Путь, Истину, Воскресеніе, Пастырь, Дверь, родиль его не призрачно, а по истинѣ, не изъ существа Своего, а по своей волѣ, неизмѣннаго и непреложнаго, неразличный образъ Божества, существа, совѣта силы и славы Отца, совершенно подобнаго Ему, перворожденнаго всей твари, твореніе Божіе совершенное, но не какъ одно изъ твореній, рожденіе, но не какъ одно изъ рожденій, сущее въ началѣ къ Богу Бога Слова (*Θεὸν Λόγον* не *τὸν Θεὸν Λόγον*), а въ послѣдніе дни спешаго ъвыше и родившагося отъ Дѣвы по писаніямъ и сдѣлавшагося человѣкомъ, посредникомъ между Богомъ и людьми, апостола вѣры нашей, и начальника жизни, какъ онъ говоритъ, что „сидохъ съ небесе не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца“ (Іоан. 6, 38), страдавшаго за насъ, воскресшаго въ третій день и восшедшаго на небеса и сѣдящаго одесную Отца, и пакн грядущаго съ славою и силою судить живыхъ и мертвыхъ и въ Духа Святаго, даваемого вѣрующимъ въ утѣшеніе, освященіе и совершеніе, какъ Самъ Господь сказалъ: Мѣ. 28, 29, гдѣ именно Отець и Сынъ и Духъ Св. означаютъ присущую каждому ипостасъ, порядокъ и славу такъ, что они—три по ипостаси, но едино по согласію.

Совершенно безспорно, что въ такомъ видѣ ученіе Лукіана представляется гораздо болѣе близкимъ къ ученію Оригена, чѣмъ къ ученію Арія или даже Евсевія никомидійскаго. Средство лукіановскаго символа съ оригенизмомъ замѣтилъ и А. А. Спасскій. Онъ говоритъ (стр. 324): „На самомъ дѣлѣ традиціонный авторитетъ второй формулы возвышался дальше Лукіана. Въ текстѣ ея встрѣчаются выраженія Оригена и цѣлые обороты, буквально взятые изъ знаменитаго символа Григорія Чудотворца“. Но такъ какъ Григорій Чудотворецъ былъ ученикомъ самого Оригена, то и мѣста общія въ символахъ Григорія и Лукіана, вѣроятно, нужно отнести на счетъ Оригена.—А. А. Спасскій, судя по стр. 173—176. (176: „система Арія была самобытна и оригинальна“) за исключеніемъ зависимости ея отъ ученія Павла самосатскаго стр. 175) не допускаетъ никакой связи между

чистымъ арианствомъ и оригенизмомъ. Но по моему, если въ чемъ правъ Гарнакъ, такъ это въ томъ, что и въ основѣ арианства чрезъ посредство лукіанизма лежитъ тотъ же оригенизмъ. Зависимость отъ Оригена ясна не только въ символѣ Лукіана, но напр. и въ посланіи *Η πίστις ἡμῶν*: выраженіе: *μόνον ἀληθινόν, μόνον ἀθανάσιον ἔχοντα, μόνον ἀγαθόν* безспорно взято здѣсь посредственно или непосредственно у Оригена. Вотъ почему я принимаю эти выраженія за лукіановскія. Позволю себѣ напомнить, что переходъ Лукіана изъ общества Павла Самосатскаго въ церковь совершился въ такую эпоху, когда былъ безспорно *ἐν ἀξιολογωτάτοις Ὁριγένειος*, какъ не только самый выдающійся, но и почти единственный церковный богословъ на Востокѣ, написавшій первый и даже потомъ не повторявшійся, хотя и далеко не во всемъ строго церковный, опытъ системы христіанскаго вѣроученія, и огромное количество экзегетическихъ трудовъ. Мыслимо ли, чтобы вліяніе Оригена совершенно не коснулось Лукіана и по переходѣ его въ церковь?—Лукіанъ, самъ человѣкъ ученый и продолжатель трудовъ Оригена по критикѣ текста Св. Писанія, не могъ не цѣнить Оригена, какъ величайшаго христіанскаго ученаго, и необходимо долженъ былъ ознакомиться съ его трудами. И такъ какъ ученіе Оригена о св. Троицѣ до 325 года, повидимому, не вызывало на востокѣ никакихъ сомнѣній и признавалось едва-ли не самымъ чистымъ выраженіемъ церковнаго ученія, то перейдя въ церковь, Лукіанъ даже необходимо долженъ былъ ознакомиться съ „богословіемъ“ Оригена. Поэтому, я не вижу ни малѣйшихъ оснований сомнѣваться въ томъ, что оригенистическіе элементы въ символѣ Лукіана могутъ принадлежать самому Лукіану.

Система Лукіана, есть, по моему, система Оригена, но изложенная въ томъ видѣ, въ какомъ она доступна была пониманію Лукіана, какъ аристотелика, и вмѣстѣ съ тѣмъ первый шагъ влѣво отъ Оригена. Какъ для аристотелика, человѣка съ сухимъ разсудочнымъ мысленіемъ, для Лукіана едва-ли понятно было возвышенное, но и утонченное оригеновское ученіе о Богѣ, какъ существѣ настолько абстрактномъ, что къ Нему едва-ли приложимо даже названіе „существо“ *οὐσία*; какъ о безусловно-единомъ и простомъ, какъ *ὄντις* въ смыслѣ потенціи, и о Сынѣ, какъ его энергіи,

какъ Его *вѣчною* Слово и Премудрости, рождающейся отъ Отца *внѣ* времени и постоянно. Приводя оригеновскіе термины въ родѣ *Λόγος ζῶν, σοφία ζῶσα, φῶς, εἰκὼν*, Лукіанъ влагалъ въ нихъ вѣроятно нѣсколько иное содержаніе. Его *πρὸ τῶν αἰώνων* далеко не точно соотвѣтствуетъ оригеновскому *ἀεί*. Возможно, что тутъ сказался не одинъ недостатокъ спекуляціи, но и полемическое отношеніе къ оригенову ученію о вѣчномъ твореніи міра. До открытаго признанія Сына Божія происшедшимъ во времени Лукіанъ однако не дошелъ. Но за то онъ особенно настаивалъ на томъ, что Сынъ есть твореніе, хотя и не какъ одно изъ твореній, и что онъ произошелъ не изъ существа Отца, и что рожденіемъ его происхожденіе можно назвать лишь въ переносномъ смыслѣ.

Ἐκ τῆς οὐσίας отвергалъ и Оригенъ, и у него встрѣчается слово *κτίσμα* въ приложеніи къ Сыну. Однако его собственное ученіе о рожденіи Сына изъ воли Отца весьма близко подходитъ къ ученію о рожденіи изъ существа Отца. Рожденнымъ изъ воли Отца *ἐκ τοῦ βουλήματος*; признавалъ Сына и Лукіанъ и называлъ его образомъ сущности Отца; но повидимому полемика съ *ἐκ τῆς οὐσίας* у него имѣла болѣе рѣшительный смыслъ. *Κτίσμα* и *Ποίημα* Лукіанъ повидимому употреблялъ чаще Оригена. И конечно оригеновскіе: *Ἄυτολόγος, Ἄυτοσοφία, Ἄυτοαλήθεια, Ἄυτοδικαιοσύνη* гораздо возвышеннѣе чѣмъ лукіановскіе *Λόγος ζῶν, σοφία ζῶσα, Αλήθεια*.—И однако нельзя, кажется, указать ни одного пункта, гдѣ Лукіанъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ дѣлалъ бы рѣшительный уклонъ влѣво отъ Оригена. Разъ онъ не дошелъ до открытаго и совершенно сознательнаго признанія, что Сынъ Божій родился во времени и изъ ничего, то онъ былъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ только оригенистомъ *sui generis*, а не Аріемъ до Арія.

Свящ. Д. Лебедевъ.